

Как человек, живущий мстостью, Ли Синлунь изначально намеревался сделать своё новое лицо настолько заурядным, что даже в толпе его никто не узнал бы — он хотел исчезнуть, стать тенью, серой полосой среди множества других, чтобы ни один взгляд не задержался на нём, ни одна память не сохранила черт. Но, к его собственному удивлению, в тот самый миг, когда дочерний Гу проник под кожу и начал свой путь сквозь плоть, в сознании всплыло безмятежное, прекрасное, как луна над горами лицо Чанькуня Чжуоюя, и этот образ, словно отпечаток божественного перста, определил форму, которую он выбрал.

Хотя в словах и в глубине сердца Ли Синлунь считал Чанькуня Чжуоюя беспечным мечтателем, отказывался верить, что он действительно может быть Сюэ Цяньцзе, ведь это было слишком абсурдно, тем не менее, одно он признавал всегда: внешность Чанькуня Чжуоюя была обманчивой до предела. Именно её великолепие, сочетание божественной красоты с такой невероятной силой, и заставило Ран Вэйжана и Ран Цэньцэнь немедленно преклониться перед ним, принять его за легендарного Главу Секты, чья аура и облик не оставляли места для сомнений. И если уж он сам должен был изменить лицо, то делать это наполовину, становясь кем-то ничтожным и блёклым, значило бы оскорбить самого учителя. Что подумают люди, если ученик великого мастера выглядит так, будто мастер выбрал его из жалости?

Ли Синлунь понимал, что не должен заботиться о мнении других — ведь он шёл по пути одиночки, по следам крови, и красота была лишь пылью в глазах. Но, вопреки разуму, он инстинктивно отверг эту мысль, как будто внутри уже принял решение, что если он станет другим, то пусть это будет достойный образ, не просто маска, а продолжение того, кто меня создал.

К тому же, Ран Цэньцэнь уже воспринимала его как лисьего духа, околдовавшего Главу Секты, и потому его внешность должна была соответствовать этой роли — хитрой, притягательной, опасной, но при этом очаровательной, как цветок, растущий на краю пропасти.

Боль от рассечения плоти, стачивания костей, перестройки черт лица была невыносимой, каждый миллиметр изменения сопровождался ощущением, будто тысячи игл вонзаются в тело, как будто кровь заменяется огнём, как будто душа протестует против нового сосуда. Но для Ли Синлуна это была всего лишь кратковременная боль плоти, которая не могла сравниться с той пыткой, что терзала его сердце с момента гибели семьи, с тем холодом одиночества, который он носил в себе, как могильный камень. Так что он терпел, сохраняя ясность ума, контролируя движение Гу, направляя его, чтобы черты формировались именно так, как он задумал.

Когда Ли Синлунь вышел из комнаты, его лицо было очень похоже на прежнее — те же высокие скулы, та же форма глаз, тот же изгиб бровей, но при этом явно отличалось: черты стали чуть мягче, линия подбородка — чётче, взгляд — глубже, словно в него добавили каплю лунного света. Это был осознанный выбор: он не хотел полностью отказываться от себя, ведь даже в новой жизни он оставался сыном семьи Ли, носителем их гордости и долга; но и не мог оставить узнаваемые черты — это помешало бы расследованию и вывело бы врагов на след. Поэтому он выбрал быть почти собой, но не совсем, создать образ, который вызвал бы сомнение: похож... но не он. Ведь кто бы стал проходить через муки Гу, чтобы измениться лишь чуть-чуть? Такие действия казались бы бессмысленными, и потому, парадоксальным образом, они делали его безопаснее.

Он также слегка скорректировал свой рост.

Раньше он был на полголовы выше Чанькуня Чжуоюя, но теперь сделал себя одного с ним роста. Идеальный вариант, чтобы стоять чуть позади, оставаться в тени, не привлекать внимания, и при этом постоянно напоминать учителю, что бы он не забывал держать лицо.

Ли Синлунь и раньше был исключительно красив — с бровями, острыми как клинки, и глазами, сияющими, как звёзды, но теперь, в глазах Ран Цэньцэнь, он стал ещё более поразительным: его облик приобрёл резкость, героическую решимость, смесь дерзости и благородства, как у молодого патриарха, только что покинувшего священные горы. Хотя он всё ещё уступал в совершенстве Чанькуню Чжуоюю, он стал настоящим драконом среди людей, существом, которое нельзя не заметить.

Ран Цэньцэнь была уверена, что раньше он не был так красив. Это должно быть заслугой пилюли Гу секты Сотни Цветов! Какой эффект! Какая сила! — думала она, не подозревая, что истинная причина не в Гу, а в том, что Ли Синлунь выбрал облик, вдохновлённый самим Главой Секты.

Но для Чанькуня Чжуоюя новое лицо ученика показалось шагом назад. Когда он впервые увидел Ли Синлуна на дне Долины Разбитых Душ, тот носил выражение отчаяния, смешанного с вызовом. Его острые брови и тонкие губы словно бросали вызов самому небу, и эта гордая, почти самоубийственная решимость ему очень нравилась. А теперь Ли Синлунь выглядел мягче, спокойнее, вся его бунтарская суть была скрыта, замаскирована под образ хорошо воспитанного послушного и сдержанного юного таланта праведной секты.

— Ну...терпимо, — произнёс Чанькунь Чжуоюя с лёгким недовольством. — Твой прежний облик нравился мне больше, Сяо Син.

П.П. Просто забавный факт. «Син» (□) — звезда, т.е Наш большой и страшный мститель - Сяо Син (□□, Xiǎo Xīng) - «звездочка». Просто живите с этим. > _

Он протянул руку и коснулся новых черт лица Ли Синлуна — скул, линии челюсти, уголков глаз, будто проверяя, не исчезла ли прежняя глубина. Прежнее лицо было не таким мягким, но более многогранным, исполненным внутреннего напряжения, как у человека, готового в любой момент сразиться с судьбой.

— В будущем, когда представится возможность, измени обратно, — сказал он неохотно, будто расставался с чем-то дорогим.

Ли Синлунь едва заметно улыбнулся, и в его глазах блеснули отражения далёких звёзд:

— Понимаю. Когда придет время, сделаю, как пожелает Учитель.

— Хорошо, — наконец немного успокоился Чанькунь Чжуоюй, и в его взгляде мелькнуло удовлетворение.

Ран Цэньцэнь: ...

Если бы ревность могла стать огнём, то пламя Ран Цэньцзинь превзошло бы даже Небесный пожар, сжигающий девять небес дотла — так ярко пылало её сердце, когда она слышала, как Чанькунь Чжуоюй называет Ли Синлуна «Сяо Син» и выражает предпочтение его прежнему облику.

Этот лисий дух уже достиг вершины человеческой красоты, неужели раньше он был ещё красивее? Если бы он стал ещё прекраснее, он сравнялся бы с самим Главой Секты Сюэ — невозможно! Этого просто не может быть!

Да, раньше я действительно был выразительнее... но разве это причина для такой боли в глазах у Учителя? - мысленно вздохнул Ли Синлунь.

В любом случае, после всех этих событий Ли Синлунь успешно изменил свою внешность, и теперь ему требовалось новое имя — они выбрали Пэй Синчэнь, звучное, как шелест звёзд по ночному небу, хотя ни один из них не мог объяснить, откуда оно взялось, будто само сошло с древнего свитка.

[Пэй Синчэнь (☆☆☆) — «Звёздная пыль»]

— Многая благодарность вам обоим, старшие мастера, — произнёс Ли Синлунь, склонив голову с достоинством ученика.

Так как Чанькунь Чжуоюй, будучи личностью такого масштаба, как Сюэ Цяньцзе, никогда бы не опустил до благодарности, пришлось Ли Синлуню, выразить признательность за двоих.

— Не стоит благодарностей, — ответил Ран Вэйжань, не отрывая взгляда от Чанькуня Чжуоюя.
— Я уже говорил, что секта Сотни Цветов всегда рада помочь Главе Секты Сюэ. Если Глава Секты повелит, то как мы можем не подчиниться?

Подтекст был ясен: «мы, честно говоря, не особо жалуем этого Пэя, но раз Сюэ Цяньцзе приказал, то выбора у нас нет».

— Конечно, вы не останетесь без награды, — добавил Чанькунь Чжуоюй в нужный момент, словно бросая кость слуге.

Это тоже было частью их плана. Они заранее договорились, что если Сюэ Цяньцзе действительно был Главой Демонической секты и странствовал по миру, побывав на самых опасных пиках, у него наверняка остались сокровища, спрятанные где-то в глубинах

демонических гор. Чанькунь Чжуоюй считал, что поскольку эти вещи изначально принадлежали ему, он имеет право забрать их в любой момент. Ли Синлунь же считал, что раз он пропал тысячу лет назад, то сокровища давно стали ничейными и теперь принадлежали тем, кто их нашел.

— Но Учитель, вы же потеряли память, у вас сейчас вообще ничего нет! — намеренно воскликнул Ли Синлунь, глядя прямо на Ран Вэйжана и Ран Цэньцинью, чтобы подчеркнуть, насколько их «великий мастер» беспомощен. На деле он просто пытался избежать необходимости платить секте Сотни Цветов, что вызвало у Ран Цэньцинью новую волну ярости.

Как Глава Секты может выбрать себе в ученики такого мелкого, жадного человека?! — с трудом сдерживал гнев он.

Длинные ресницы Чанькуня Чжуоюя чуть задрожали, и он с видом человека, говорящего о дожде произнёс:

— Не важно. Всё в этом мире по праву принадлежит мне.

Такая вселенская надменность, будто весь мир был его кошельком, а все сокровища — просто вещи, которые он может взять, когда захочет, поражала своей наглостью, и делала его образ еще величественнее и недостижимее.

— Глава Секты Сюэ, на демоническом пути ходит легенда, каждый Глава Секты, перед тем как пройти испытание или пожертвовать собой, прячет свои сокровища где-то среди гор Демонического дворца, оставляя их для своего перерождения или того, кто сможет разрушить его формирования. — С трудом скрывая сквое признание к Ли Синлуну, заметила Ран Цэньцинью.

Главы Демонической секты редко брали учеников и почти никогда не передавали всё своим последователям. Иногда они дарили пилюли или артефакты, но большую часть оставляли себе. На демоническом пути всегда верили в выживание сильнейшего, так что если ты смог разрушить формирования прошлого мастера, значит, ты сильнее его и заслуживаешь забрать все его накопления.

Значит, Сюэ Цяньцзе, скорее всего, оставил свои сокровища в горах Дворца Трясущегося Неба? Это была крепость демонического пути. Не говоря о том, что они были усыпаны бесчисленными ловушками, но даже войти туда в горы не мог никто ниже уровня Золотого ядра.

Отправляться туда за сокровищами... Ли Синлунь счёл это слишком трудозатратным и нереальным. Возможно, лучше отказаться и сосредоточиться на культивации.

Но Чанькунь Чжуоюй явно думал иначе.

— В таком случае, отправимся туда, — сказал он легко, будто собирался прогуляться по своему саду.

— Это... — даже гордая Ран Цэньцзинь замешкалась. — Глава Секты, хотя вы и были повелителем, прошло уже тысячу лет, и положение Мастера давно перешло к другому. Учитывая вашу уникальную личность, чтобы войти в горы, вам, вероятно, придётся напрямую штурмовать Пик Трясущегося Неба.

То есть бросить вызов всей Демонической секте, прорваться через кровавую бойню, сразиться с нынешним Главой Секты и, оккупировав трон, заново заявить о своём праве.

И делать этого Чанькунь Чжуоюй не хотел.

Он хотел лишь восстановить память, успокоить своих верных последователей, если они ещё живы, а затем путешествовать по миру вместе с учеником, помогая ему отомстить, и жить свободной жизнью, не связанной обязательствами. Чанькунь Чжуоюй понял, что кроме возвращения прошлого, у него нет великих амбиций. Объединять мир культивации он уже не планировал. Он хотел просто пройти каждую ли земли, возможно, заглянуть в бессмертные земли, а если и этого будет мало — может быть, даже вознестись в царство богов.

Зачем тогда становится Главой Демонической секты и взваливать на себя всю эту ношу?

Поэтому он колебался, но посетить горы демонов он всё же хотел, ведь они были частью мира, который он намеревался исследовать.

— Разобраться с Демонической сектой не проблема, — спокойно сказал он. — Но я не хочу брать на себя ответственность за весь демонический путь.

Эти слова вполне соответствовали характеру Сюэ Цяньцзе. Когда он стал Главой Секты, он сначала покорила всех силой, а затем передал управление нескольким доверенным людям и ушёл странствовать. Он явно был человеком, которому не нравилась власть и вся эта суэта.

— Это... — Ран Цэньцзинь не знала, что ответить.

— Пусть идёт Сяо Син, — вдруг сказал Чанькунь Чжуоюй. — Вы же сказали, что для входа в горы достаточно уровня Золотого Ядра? Я помогу ему достичь его. Как только он станет мастером Золотого Ядра, он сможет провести меня обратно на Пик Трясущегося Неба.

Ли Синлунь: ...

Учитель, проснитесь! Я практикую праведную культивацию! И да, я достиг позднего этапа Формирования Основы, но это было несколько дней назад! До Золотого Ядра ещё долгий путь!

Ран Цэньцзинь тоже опешила.

Тогда более опытный Ран Вэйжань немедленно выступил вперед:

— Глава Секты Сюэ, поскольку молодой мастер Пэй использовал Гу перемен лица, матку-Гу можно оставить у вас. Ваша демоническая аура повлияет на неё, а поскольку матка и детёныш связаны, внутренний Гу в теле молодого мастера также начнёт излучать демоническую энергию. Таким образом, даже если он использует техники, его не раскроют... главное, чтобы он не культивировал на глазах у других.

А если и станет, то стиль Чанькуня Чжуоюя и так был слишком эффектным, чем у любого демонического мастера, так что даже это не должно сильно повлиять на их план.

— Отлично, — одобрительно кивнул Чанькунь Чжуоюй, бросив взгляд на Ран Вэйжана.

Воспользовавшись моментом, старейшина добавил:

— Конечно, Гу требуют ухода. Для удобства будет лучше, если Глава секты отправится с вами. А Цэньцзинь уже достигла уровня Зарождения Души, ей давно пора выйти в мир и набраться опыта.

Удивительно, для ухода за одной маткой Гу, оказывается необходима целая глава секты. Секта Сотни Цветов действительно была предана Сюэ Цяньцзе.

Для Чанькуня Чжуоюя это было просто идеальным выходом из ситуации (ведь он все еще был совершенно без гроша).— Хорошо. — Сделав вид, что размышляет, наконец согласился он.

С довольной улыбкой он повернулся к Ли Синлуню. Увидев, как его учитель радостно лыбиться во все тридцать два зуба, лицо его исказилось от внутренней боли, а руки сжались в кулаки. Чанькунь Чжуоюй мгновенно понял и тут же убрал улыбку.

Ли Синлунь с трудом сдерживая желание закричать: ...

Нет, он обязательно должен придумать секретный сигнал, чтобы в будущем контролировать Чанькуня Чжуоюя, пока тот снова не сказал чего-нибудь, что заставит весь мир считать его полным дураком.

<http://bllate.org/book/14629/1297992>